

Ленин и Тарковский – два гения многомерности

Яновский Михаил Иванович,

к.п.н., доцент Донецкого национального университета
E-mail: m.i.yanovsky@mail.ru

В статье сопоставляются особенности элементов мировосприятия, которые были привнесены двумя известными личностями XX в. – В.И. Лениным и А.А. Тарковским. Автор обосновывает идею, что таким элементом была многомерность как свойство образа мира. Многомерность – свойство, которое можно отождествить с космичностью. У Ленина многомерность реализована в диалектическом политическом мышлении и деятельности, в умении различать и фиксировать разные измерения социальных процессов и увязывать их в сложное динамическое целое. Тарковский воплотил в кинематографе эстетическое восприятие реальности, построенное на выявлении внутренней космичности-многомерности явлений, на включении наблюдателя в созерцаемое целое. У обоих реальность, таким образом, предстаёт как неисчерпаемое, многогранное, переливающееся живое целое.

Ключевые слова: многомерность; космичность; диалектика; отражение; глубина; присутствие

Начиная с Коперника и Галилея, человечество стало осознавать себя частью Космоса. В России космизм стал одной из национальных идей, что выразилось в известном явлении «русского космизма» (Н.Ф. Фёдоров, К.Э. Циолковский, В.И. Вернадский и др.). Но русский космизм – явление более глубокое и разнообразное в своих формах. Именно его мы можем усмотреть как смысл ряда феноменов отечественной истории XX века.

Так, существуют два гения, каждый из которых реализовал революционные преобразования в своей сфере. Один признан в узком кругу «интеллигенции», но не понят «народом». Другой – был принят и признан «народом» (хотя со временем отношение «народа» изменилось), но мало понят и в целом отвергнут «интеллигенцией». Однако оба были первопроходцами, вдвинувшими наше сознание в новые измерения жизни, и, более того, – на наш взгляд, оба открыли для нас многомерность реальности как особое её свойство. Но многомерность – синоним космичности, поэтому можем сказать, что они привнесли космичность как свойство: в одном случае, – в социальную жизнь, в другом – в эстетическое созерцание реальности.

Речь о В.И. Ленине (рис. 1) и А.А. Тарковском (рис. 2).

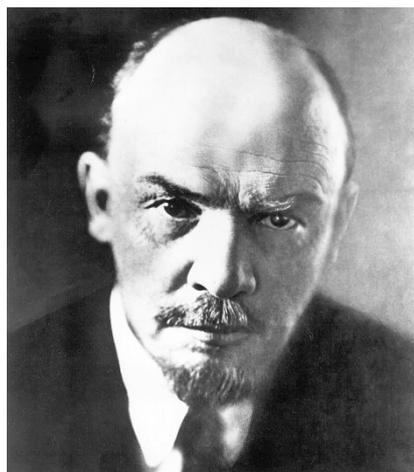

Рис. 1. В.И. Ленин

Рис. 2. А.А. Тарковский

Рассмотрим, как это было реализовано.

Начнём с Ленина. В конце своей жизни, оценивая кандидатуры возможных преемников, Ленин упоминал, как важное, такое качество как «понимание диалектики». В отсутствии этого понимания он упрекал и Троцкого, и Бухарина, и Сталина. Что такое «диалектика» и чем она важна? Диалектика – это, собственно, и есть многомерность нашего мышления как принцип. Классический и простой пример диалектики у Ленина – его знаменитая «диалектика стакана»: «Стакан есть, бесспорно, и стеклянный цилиндр, и инструмент для питья. Но стакан имеет не только эти два свойства или качества или стороны, а бесконечное количество других свойств, качеств, сторон, взаимоотношений и «опосредствовании» со всем остальным миром. <...> Если мне нужен стакан сейчас, как инструмент для питья, то мне совершенно не важно знать, вполне ли цилиндрическая его форма и действительно ли он сделан из стекла, но зато важно, чтобы в дне не было трещины, чтобы нельзя было поранить себе губы, употребляя этот стакан, и т.п. Если же мне нужен стакан не для питья, а для такого употребления, для которого годен всякий стеклянный цилиндр, тогда для меня годится и стакан с трещиной в дне или даже вовсе без дна и т.д. Логика формальная, которой ограничиваются в школах (и должны ограничиваться – с поправками – для низших классов школы), берет формальные определения, руководясь тем, что наиболее обычно или что чаще всего бросается в глаза, и ограничивается этим» [2].

Смысл примера – в иллюстрации множественности аспектов, ракурсов рассмотрения какого-либо объекта. Реализуется идея, что важно и находить, и различать эти ракурсы, и, также, видеть их соотношения и связи.

Конечно, диалектика – не ленинское изобретение, но диалектическим виденьем пропитан и вся практическая деятельность Ленина, и его материализм.

Так, в своей известной работе «Материализм и эмпириокритицизм» Ленин доказывает, на первый взгляд, тривиальную идею: мир материален и существует объективно, независимо от нашего сознания. Однако на поверку это следует признать частным случаем виденья реальности как многомерной: материя – независимая от познающего сознания реальность; материя и сознание, объективное и субъективное – независимые аспекты, «измерения» мироустройства. По сути, это другое выражение диалектики: фиксируя материальный объект, мы можем подвижно сменять ракурсы его рассмотрения, отражения сознанием, но объект при этом остаётся самим собой как нечто независимое от сознания. Т.е. объект фиксирован, а ракурсы его отражения движутся (развиваются) как бы по другой шкале, чем та, на которой расположен реальный объект сам по себе. Объект и сознание, таким образом, – два ортогональных измерения; значит они в одно и то же время независимые и сопряжённые измерения (сопряжённые в силу того, что сознание – это отражение), – как в декартовой системе координат. Действительно, ортогональность в декартовой системе координат выражается в том, что при фиксации позиции на одной координате – позиция на другой могут быть подвижна. Такое различение разных измерений обеспечивает свободную раздельную перемещаемость по отдельным шкалам – т.е. обратимость когнитивных операций. Обратимость – свойство, которое Ж. Пиаже считал основой развитого познавательного аппарата человека [4]. Значит, в данном случае формулировка объективности материального мира – не просто выражение философской позиции, а проявление мышления, раскрывающего свой потенциал, достигшего высокого уровня гибкости, системности, зрелости.

Эта обратимость-подвижность, таким образом, выражается в подвижности способов познания объективной реальности, пластичности (в т.ч. диалектичности) мышления, которое так способно более адекватно отражать реальность, настраиваться на неё (реализовывать «аккомодацию» к ней). Но обратимость может выражаться и наоборот, как подвижность на объектной шкале при фиксации позиции на шкале субъектной (субъективной). Это означает, что если, например, фиксируется субъективная цель, мотив и т.д., – то подвижность реализуется как подвижность способов действия, тактики, стратегии в объективном мире.

Поэтому умение рассматривать объект во всех возможных важных аспектах – умение, которым владел Ленин, и которое иллюстрировал примером со стаканом, он с неменьшим мастерством применял и к явлениям сознания. Так, он не только мог чётко сознать мотивы и цели свои и коллективные (партийные), но и, фиксируя объективную ситуацию, виртуозно и точно характеризовал субъективные интересы, мотивы, особенности виденья, хитрости и т.д. – сторон, включённых в эту ситуацию.

Одна из простых иллюстраций этого – общеизвестная характеристика революционной ситуации в обществе: «верхи не могут, низы не хотят». Здесь – различие двух субъектных позиций, включённых в одну и ту же ситуацию. Ленин, обратим внимание, не рассматривает в данном случае борьбу «верхов» и «низов» как двух общественных классов, – как можно было бы ожидать от марксиста. Он фиксирует объективную ситуацию, с одной стороны, и две субъектные позиции, две точки зрения, с другой стороны. Такая характеристика выражает умение «работать» отдельно с субъектным измерением реальности при мысленной фиксации её объектного измерения.

Подвижность, пластичность форм практического и познавательного отношения к реальности обеспечила Ленину «неотчуждённость» сознания. Напомним, отчуждённость – понятие, характеризующее искажённое (в марксизме – эксплуатацией, частной собственностью и т.д.) сознание, как бы потерявшее и себя, и внутреннюю связь с внешним миром. Ленин, напротив – человек, реализующий опыт аутентичной включённости, как бы многомерного присутствия-в-мире. Его сознание было как бы вдвинуто в реальность, а не вращалось в замкнутой системе политических образов. Поэтому объектом его действий и мыслительной работы была всегда объективная действительность, отражённая в понятиях, а не понятия, политические теории и модели сами по себе. Очевидна также цельность Ленина как личности, в этом смысле трудно приписать ему самоотчуждённость, потерю самого себя (если, конечно, не придерживаться теории, что сущность человека – его инстинкты).

Ленину был присущ характерный умонастрой, своего рода «аура» мышления – «беспристрастная страстность». Мы имеем в виду способность с одной стороны, абсолютно отличать намерения и цели от объективного положения дел, но с другой стороны – быть абсолютно приверженным намерениям и целям. В признании объективной реальности как объективного положения дел была даже безжалостность к себе. В этом признании независимости объективной реальности – «несобственнический», неэгоцентрический взгляд на реальность. Безжалостность к себе была связана с принятием объективной реальности как она есть, даже с определённой наивностью, в этом смысле – неагрессивностью к её сути. Современные характеристики Ленина как «безжалостного диктатора» поэтому выглядят скорее как карикатура на реального Ленина; они есть следствие неразличения

явления и сущности. По сути Ленин – фасилитатор глубинных народных устремлений (устремлений «глубинного народа»), и приписывание ему агрессивности зачастую маскирует отношение к «глубинному народу» как «стаду», вышедшему из-под контроля «образованного слоя общества».

«Несобственническое» отношение к реальности мотивировало Ленина интересоваться взглядами на ту или иную ситуацию, проблему, со стороны своих политических противников, – что позволяло не замыкаться в узкопартийных взглядах, а через разные ракурсы, разные виденья объекта добираться до его сути.

При этом несмещение политически, идеологически разных взглядов, позиций, размежевание между ними, одновременно со взятием ответственности на себя за свою позицию, позволяло консолидировать субъектное измерение как некое особое, автономное измерение своей деятельности: «Наш идеал должен быть вовсе не тот, чтобы все партии, все направления, все оттенки слились в один революционный хаос»; «полная ясность и определённости в отношениях между партиями, направлениями и оттенками»; «ясность и определённости понадобятся при каждом практическом шаге» [3].

В многомерности – ключ к пониманию многих ленинских идей. Так, у Ленина, как и в целом в марксизме, одно из важнейших мест занимает понятие «угнетение». Причина проста: угнетение приводит к редукции, примитивизации человека, т.е. – к одномерности. Угнетение – антитеза умножению мерности. Поскольку же у Ленина многомерность воплощена в диалектике, то можно в целом говорить об антитезе: диалектика (раскрепощение человека, выражение многомерности человеческого мышления) – угнетение (подавление человека, приведение к одномерности).

Пример применения многомерного мышления – концепция «диктатуры пролетариата». В книге «Государство и революция» Ленин дорабатывает марксистскую теорию государства, теорию перехода от буржуазного государства к коммунизму, при котором государство должно отмереть. Как известно, классическая либеральная теория государства принадлежит Дж. Локку. Это – теория государства как общественного договора, фиксирующего компромисс конфликтующих слоёв общества. Причём важной стороной компромисса признаётся принцип разделения властей – законодательной и исполнительной. В марксизме локковская теория «общественного договора» истолковывается как ширма, в которой установление господства одной, наиболее сильной, социальной группы («класса») над остальными фарисейски выдаётся за общий компромисс. Ленин реформирует марксистскую теорию отмирания государства при переходе к коммунизму в теорию диктатуры пролетариата, как необходимого переходного звена при таком переходе. Однако по Ленину диктатура пролетариата не есть тирания или т.п.; это именно многомерное образование, совмещающее «угнетение» «угнетателей» (подавление причины одномерности, примитивности человека и общества) с освобождением, расширением возможностей для бывших «угнетённых». Диктатура пролетариата, таким образом – это диктатура лишь в поверхностном смысле; в ней есть (как и в любом типе государств) элемент насилия, но по сути – это система, раскрепощающая, открывающая свободу и возможности для основной части населения. Диктатура пролетариата, следовательно, имеет два независимых измерения: это и диктат, насилие, и свобода, раскрепощение. Существование этих двух измерений в советский период очевидно, о чём, например, свидетельствует наплыв талантов из «наро-

да» в разные сферы жизни: в науку, технику, искусство, армию, спорт и т.д.

Локковский принцип разделения властей – законодательной и исполнительной, состоит в том, что власть делится на выдумывающую как бы из ничего законы законодательную власть и действующую вслепую исполнительную власть. Они становятся не двумя измерениями одной деятельности, а двумя отдельными специализированными звеньями одного процесса, как бы конвейера. Одномерность этого процесса, а также уплощённость, отсутствие глубины каждого из этих звеньев, выражает искусственность, выхолощенность, эклектизм такой конструкции. Государство с так устроенной властью обречено продуцировать искусственные, поверхностные законы, и быть переполненным чиновничьей исполнительной одномерностью – формализмом.

Ленин предложил заменить локковскую систему власти властью советской. Советы – власть как минимум двумерная: в ней создание законов и практическая деятельность выполняются одними и теми же людьми, как два измерения их деятельности. В простом смысле это не что иное как построение плана и его исполнение, с последующей коррекцией плана, усовершенствованным исполнением и т.д. Получается создание не законов, а планов (план – это закон, только создаваемый в соотношении с деятельностью). Деятельность исполнения здесь не просто процесс, подчинённый некой норме, а планомерное достижение результата. Практическая деятельность, благодаря Советам, таким образом, приобретает контролируемый, осознанный, умный характер. В этом – в повышении уровня осознанности – внутренний смысл Советской власти. (Следует отметить, что этот смысл был в значительной мере утерян, и органы советской власти стали уподобляться органам власти западных стран, устроенных по локковской схеме. Возможно, это одна из причин кризиса советской власти и последующего её упрощения до локковской конструкции разделения властей по западным образцам.)

В целом многомерность у Ленина обеспечивается сочетанием разделения измерений, их раздельной фиксации, – с одновременностью, их объединением в рамках одной деятельности, у одного субъекта.

Сама по себе такая многомерность была понята как свойство реальности в современной науке ещё Р. Декартом и реализована в модели системы координат, – в которой все измерения самостоятельны и независимы друг от друга, и в то же время связаны в единство (через нулевую точку в системе координат). На наш взгляд, появление в научном мировоззрении этого новшества, в XVI–XVII вв., также ряд созвучных идей Николая Кузанского, Коперника, Галилея, Бруно, – всё это обусловило новую картину мира как бесконечного и единого. В целом это не что иное как переход от аристотелевского геоцентризма к космически центрированной картине мира. В социальных концепциях это изменение картины мира отразилось в появлении т. наз. «утопий», в частности – «Города Солнца» Т. Кампанеллы [5]. В Городе Солнца одновременно все и свободны и связаны друг с другом, в этом обаяние этой утопии. Мировоззрение и логика мышления Ленина органично реализуют эту особенность утопии Кампанеллы, которая есть та же многомерность-космичность, о которой мы говорили.

Многомерность – это, по сути, неисчерпаемость реальности. Она может переживаться, чувствоваться и сама по себе, субъективно, как глубина реальности. Здесь мы и можем увидеть сродство Ленина и Тарковского.

У Ленина фиксация какого-либо измерения (объективного или субъективного, т.е. объекта как он есть или субъективной позиции относительно его) открывает воз-

можность, или даже свободу в других измерениях, например в фоновых сферах среды действия, т.е. вообще это способ приоткрыть завесу над другими измерениями. Но это – один к одному – метод построения движения кинематографической ткани Тарковского. Так, для него характерно, что кадр в своём движении, трансформациях, заканчивается фиксацией какого-либо объекта, детали, места, и затем – с опорой на зафиксированное – отсыл к другому измерению. И у Ленина, и у Тарковского поэтому особое значение приобретает аура ситуации, её энергетика, заложенный в ней объём возможностей. Ясно, что аура ситуации переживается через переживание своего рода глубины присутствия. Этим отличаются фильмы Тарковского, но это роднит его со стилем мышления, мировоззрения Ленина.

И у Ленина, и у Тарковского основное – работа с пространством реальности, а не с вещами и не с местом. С пространством как многомерной, таинственной, полной возможностей, переливающейся, бесконечной, но в то же время единой реальностью.

Так, кадры у Тарковского часто построены в форме, близкой к приёмам «обратной перспективы», с инверсией фигури-фоновых отношений [6]. Тем, что фон активизируется и даже уравнивается в правах с фигурой, в зрительское восприятие вводится некая многомерность, объёмность, как бы «пустотность». Мы сталкиваемся со своего рода «энергией вакуума», живой, дышащей пустотой (пространством).

В этом «живом» вакууме вещи обретают как бы внутреннюю энергию, жизнь, начинают сами за себя говорить. Возникает ощущение их какой-то фундаментальности и глубины, ощущение причастности к какому-то таинственному многозначительному длящемуся процессу.

Переживание многомерности-пустотности – это переживание «чистого», безусловленного присутствия.

Восприятие продолжается из этого состояния присутствия, как поток как бы не вполне узнаваемых, впервые встречаемых феноменов. Незнание вводит в режим «общения» с неизвестным, «неведомым», в безотносительное восприятие вещей, – восприятие их на фоне пустоты. Так возникает переживание глубины, многомерности присутствия.

На фоне пустоты вещи возникает своего рода «завор», в котором начинает быть видна особая реальность вещей, их «аура»-«дыхание», благодаря которому становится слышно то, «что поёт в глубине вещей» [1].

В заключение можно сказать, что идея многомерного, как бы «дышащего» пространства, лежащего в основе разных сфер реальности, иначе говоря, идея имманентной космичности реальности – это то общее, что объединяет таких разных деятелей как В.И. Ленин и А.А. Тарковский. В этом Ленин и Тарковский были продолжателями и традиции «русского космизма», и – если смотреть шире – того поворота к космоцентричности, который произошёл в человеческой истории, начиная с Коперника и Галилея.

Остаётся отметить, что главным педагогом и наставником А.А. Тарковского во время его учёбы во ВГИКе был талантливый режиссёр Михаил Ромм. Но именно Ромм является автором классических фильмов о Ленине: «Ленин в Октябре», «Ленин в 1918 году», «Владимир Ильич Ленин», «Живой Ленин».

Литература

1. Болдырев Н.Ф. Жертвоприношение Андрея Тарковского. – Москва: Вагриус, 2004. – С. 7.
2. Ленин В.И. Ещё раз о профсоюзах, о текущем моменте и об ошибках тт. Троцкого и Бухарина // Полное собрание сочинений. 5-е изд. Т. 42. – Москва: Политиздат, 1967. – С. 289–290.
3. Ленин В.И. О боевом соглашении для восстания // Полное собрание сочинений. 5-е изд. Т. 9. – Москва: Политиздат, 1970. – С. 281.
4. Пиаже, Ж. Речь и мышление ребенка / Сост., новая ред. пер. с фр., коммент. Вал.А. Лукова, Вл.А. Лукова. – Москва: Педагогика-пресс, 1994. – 526 с.
5. Яновский М.И. Образ будущего общества как психологическая проблема // Историческая психология и социология истории. – Т. 14. – 2021. – № 1. – С. 5–11.
6. Яновский М.И. Психологический смысл «обратной перспективы» в живописи, поэзии и кинематографе // Психологический журнал. – 1995. – Т. 16. – № 6. – С. 101–110.

LENIN AND TARKOVSKY – TWO GENIUSES OF MULTIDIMENSIONALITY

Yanovsky M.I.

Donetsk National University

The article compares the features of the elements of world perception that were introduced by two famous personalities of the twentieth century – V.I. Lenin and A.A. Tarkovsky. The author substantiates the idea that such an element was multidimensionality as a property of the image of the world. Multidimensionality is a property that can be identified with cosmicity. Lenin's multidimensionality is realized in dialectical political thinking and activity, in the ability to distinguish and fix different dimensions of social processes and link them into a complex dynamic whole. Tarkovsky embodied in cinema an aesthetic perception of reality, built on the identification of inner cosmicity-the multidimensionality of phenomena, on the inclusion of the observer in the contemplated whole. For both, reality thus appears as an inexhaustible, multifaceted, iridescent living whole.

Keywords: multidimensionality; cosmicity; dialectic; reflection; depth; presence.

References

1. Boldyrev N.F. The Sacrifice of Andrei Tarkovsky. – Moscow: Vagrius, 2004. – P. 7.
2. Lenin V.I. Once again about trade unions, about the current moment and about the mistakes of tt. Trotsky and Bukharin // Complete Works. 5th ed., vol. 42. – Moscow: Politizdat, 1967. – Pp. 289–290.
3. Lenin V.I. On the combat agreement for the uprising // Complete Works. 5th ed., vol. 9. – Moscow: Politizdat, 1970. – P. 281.
4. Piaget, J. Speech and thinking of a child / Comp., new ed., trans. from fr., comment. Val.A. Lukova, Vl.A. Lukova. – Moscow: Pedagogika-press, 1994. – 526 p.
5. Yanovsky M.I. The image of the future society as a psychological problem // Historical psychology and sociology of history. Vol. 14. 2021. № 1. P. 5–11.
6. Yanovsky M.I. The psychological meaning of «reverse perspective» in painting, poetry and cinema // Psychological Journal. 1995. Vol. 16. No. 6. Pp. 101–110.